ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ВЕРОИСПОВЕДНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА (XVI–XVII ВВ.)

THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF RELIGIOUS POLICY IN MUSCOVY IN THE XVITH–XVIITH CENTURY

АНДРОЩУК В.В.,
научный сотрудник отдела научно-методического обеспечения
правовой информатизации управления правовой информатизации
Национального центра правовой информации Республики Беларусь,
кандидат юридических наук

В статье рассматривается процесс формирования особой национально-конфессиональной политики Российского государства. Для сохранения территориальной целостности и политической стабильности одной из составляющих его политической стратегии был принцип религиозной терпимости по отношению к иностранным вероисповеданиям. Опыт регулирования религиозных отношений приобретался Российским государством на протяжении многих веков. На основании проведенного исследования автором делается вывод о том, что на начальном этапе формирование конфессиональной политики Российского государства строилось на сохранении господствующего положения православия и невмешательства в конфессиональную жизнь проживавших на его территории иностранных подданных.

The article considers the process of formation of specific national and religious policy in Muscovy. In order to preserve territorial integrity and political stability the principle of religious tolerance toward foreign religion and belief became one of the main parts of political strategy. The Russian state gathered the experience in regulating religious relations over the centuries. On the basis of the research, the author concluded that at an early stage of Muscovite religious policy formation it was based on maintaining a dominant position of Orthodoxy and non-interference in religious life of the foreign citizens residing on its territory.

Современному обществу свойственны конфликты на национальной и религиозной почве, возникающие поочередно в разных регионах мира. Их причиной становятся неразрешенные межрелигиозные противоречия и напряженность в межконфессиональных отношениях. В то же время имеются исторические примеры успешного ведения межконфессионального диалога, как на внутригосударственном, так и на международном уровне. Любое взаимодействие различных вероисповеданий возможно лишь в том случае, когда оно основано на принципе религиозной терпимости, который предполагает уважение последователями одной религии религиозных убеждений представителей других вероисповеданий [1, с. 333]. Иными словами, речь идет о свободе совести и свободе вероисповедания – праве исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Каждый вправе свободно определять свое отношение к религии, выражать и распространять религиозные убеждения и поступать в соответствии с ними [2].

Начиная с XVI века Российское государство непрерывно проводило территориальную экспансию, результатом которой стало вхождение в его состав территорий с народами совершенно разных национальностей и вероисповеданий. Преобладающее большинство – примерно 70 % населения – исповедовало православие [3, с. 201]. Существовали многочисленные религиозные группы, некогда принадлежавшие к Православной церкви, но позже по ряду причин от нее отделившиеся. Наиболее крупной среди них были старообрядцы, численность которых к началу 1900-х годов достигала 11 миллионов [4, с. 7–18]. Старообрядчество, в свою очередь, включало в себя разнообразные религиозные течения; число только известных исследователям сект – более 130 [5, с. 88]. Среди других христианских конфессий в Российском государстве была широко представлена Римско-католическая церковь. Население, исповедовавшее католицизм, преобладало в Польше и Литве. Подавляющее большинство населения Финляндии, Эстонии и Латвии принадлежало к Евангелическо-лютеранской церкви. В дальнейшем

расширение границ Российского государства на юг привело к тому, что к ее традиционному населению прибавилось существенное число мусульман, а продвижение в Сибирь привнесло также и восточные религии. И, наконец, следует отметить, что на территории Польши и Западных провинций России проживало значительное число евреев [6, с. 103].

Таким образом, превратившись в многонациональную и многоконфессиональную абсолютистскую империю, Российская империя столкнулась с необходимостью сохранения государственной целостности и политической стабильности, что могло быть достигнуто проведением особой национально-вероисповедной политики. В ее основу был положен принцип религиозной терпимости, который, однако, являлся лишь частью общей политической стратегии Российского государства. Вероисповедный вопрос был тесно переплетен с языковыми, образовательными, политическими и правовыми мерами, применяемыми государством по отношению к национальным группам населения. От успешности его решения зависело состояние правопорядка, государственной и общественной безопасности всего Российского государства.

Следует отметить, что опыт государственно-правового регулирования религиозных отношений формировался в Российском государстве на протяжении многих веков. Традиции религиозной терпимости, заложенные еще во времена христианизации языческой Руси, позволили не допустить религиозных войн и конфликтов, характерных для средневековой Европы. История помнит примеры того, как население отдельных государств вступало в ожесточенное противостояние друг с другом по причине своей принадлежности к той или иной религии. Совсем иная картина наблюдалась в России, где церковный раскол, вызванный реформами патриарха Никона, перерос в религиозно-политическое движение, но не привел к вооруженному конфликту между старообрядцами и никонианами [7, с. 22–24].

В Российском государстве была создана эффективная система государственно-правового управления межконфессиональными отношениями: контроль деятельности существовавших на его территории вероисповеданий осуществлялся на основе комплекса правовых норм, собранных в Уставах духовных дел иностранных исповеданий [8, с. 8].

Таким образом, процесс принятия христианства на Руси завершился практически одновременно с централизацией Московского княжества. Язычество сохранилось лишь в форме обычаев и обрядов скорее как пережиток, а не отдельный культ. Православная церковь сыграла существенную роль в становлении древнерусской монархической государственности и права. Вплоть до середины XVI века население Российского государства было единым по этническому происхождению и вероисповеданию. Однако после присоединения новых территорий и первой массовой волны переселения иностранцев в число подданных русского царя вошли народы, исповедовавшие ислам, язычество, католицизм и протестантизм.

Российское государство по отношению к иноверным подданным проявляло все признаки веротерпимости, предоставляя им свободу богослужения и право строительства культовых сооружений. Единственное ограничение налагалось на ведение религиозной пропаганды среди православного населения. Особенностями российской веротерпимости являлись дифференцированный подход к различным вероисповеданиям и непоследовательность в ее реализации. Пределы веротерпимости то расширялись, то сужались, в зависимости от ряда социально-экономических причин и условий. Религиозная политика государства также во многом зависела от отношения монархов к вопросам религиозной свободы, их личной приверженности православию и от значимости Православной церкви в Российском государстве в тот или иной исторический период. В XVIII–XIX веках на отношение российских правителей к вопросам веротерпимости стали оказывать значительное влияние западноевропейские просветительские идеи [8, с. 43].

В Москве времен Ивана IV (1533–1584) проживало большое число иностранных подданных – ремесленников, художников и врачей, преимущественно лютеранского вероисповедания. На призывы папского легата Антония Поссевина к царю изгнать из Москвы всех лютеран и позволить выстроить костел ему был дан ответ о том, что в Русском государстве живут люди разных вер, по своим обычаям, с соблюдением одного

условия – не совращать русских в свою веру. Политика Ивана IV в отношении иноверных европейцев была продолжена и его преемниками [9, с. 14].

Вторая половина XVI века ознаменовалась присоединением к Российскому государству территорий Поволжья и Сибири, население которых исповедовало ислам и язычество. Установление торговых и дипломатических контактов с европейскими государствами вызвало первую волну переселения в Россию протестантов и католиков. Российское государство становится многонациональным, а его подданные принадлежали к различным вероисповеданиям. Послание царя Федора Иоанновича английскому послу Флетчеру характеризует отношение Российского государства к иностранцам. В нем говорилось: «государю нашему, великому государю царю и великому князю, до их веры и дела нет: многих вер люди живут в государя нашего государстве <…> всякий живет в своей вере» [10, с. 11–12; 12, с. 204].

В течение нескольких веков в России складывалось весьма настороженное отношение к католицизму. События Смутного времени (1598–1613), война с католической Польшей и ограничение в правах православных на подпавших под власть Польши территориях сформировали особое отношение Российского государства к католицизму. При приеме на службу подданных европейских государств преимущество отдавалось лицам протестантского вероисповедания. Деятельность Римско-католической церкви не была законодательно урегулирована, а окончательное разделение Западной и Восточной христианской церквей привело к ее неприятию в пределах Российского государства [9, с. 15].

Свидетельством неодинакового отношения к иностранным христианским конфессиям может также служить и тот факт, что первая кирха появилась в Москве в 1575 году. Спустя более века, в 1692 году, была построена первая деревянная Римско-католическая церковь. Каменный костел был возведен еще позже – в 1706 году [13, с. 3; 14, с. 64]. Объяснением этому может стать меньшая склонность протестантов к вовлечению в свое вероучение представителей иных конфессий, а также признание ими права светской власти на управление церковью.

Религиозные столкновения между протестантами и католиками во время Тридцатилетней войны (1618–1648) заставили иностранных подданных искать убежища от преследований в России. На «государеву службу» поступали военные специалисты, лекари, ювелиры, дипломаты, а развитие торговли стимулировало приезд в Россию иноземных «торговых людей». Некоторые из них были специально приглашены на службу в качестве «пособников и споспешников в развитии общественной жизни» России. Переселившимся протестантам позволялось строить храмы и вызывать из-за границы пасторов для проведения религиозных служб. Поступивших на службу Московскому государству иностранцев можно разделить на «некрещеных немцев», сохранявших статус иностранных подданных, и «крещеных иноземцев», принявших православие и получивших статус русских подданных [15, с. 4–5].

Необходимость выработки единого отношения к подданным-иноверцам поставила перед государством и Православной церковью задачу формирования вероисповедной политики. Российское государство могло пойти по одному из следующих путей: предоставив полный приоритет государственной церкви и религии, отказать иным вероисповеданиям в религиозной свободе; либо, сохраняя приоритет государственной церкви и религии, предоставить иным вероисповеданиям максимально возможную степень религиозной свободы. Первый вариант предполагал религиозную нетерпимость, преследование по вероисповедным мотивам, проведение широкой и агрессивной миссионерской деятельности государственной церковью. Последствия проведения такой политики, с учетом опыта католической Европы, были бы скорее негативны. Поэтому Российское государство пошло по иному пути, избрав веротерпимость за основу государственно-церковных отношений [8, с. 48].

Вероисповедная политика в Российском государстве формировалась на протяжении многих веков. Этому способствовало географическое положение государства, которое находилось между Западом и Востоком на пересечении торговых путей. Взаимовыгодные торговые отношения с соседними государствами устанавливались, невзирая на религиозную принадлежность продавцов и покупателей. Еще одним фактором,

повлиявшим на укрепление религиозной терпимости, была растянувшаяся на века христианизация языческой Руси. Следует также отметить, что отношения между Русской и Римской церквями не прекращались и после раскола христианской церкви в 1054 году на Западную (католическую) и Восточную (Византийскую, православную). По-прежнему совершались династические браки, заключались военно-политические союзы без учета религиозной принадлежности союзников [16, с. 19–20].

Одним из первых примеров государственного регулирования конфессиональной жизни последователей инославной церкви служат положения принятого на Земском соборе 1649 года Соборного уложения. В нем предусматривался запрет «Немцам и Немкам вдовам» приобретать «у Русских людей дворы на Москве в Китае и в Белом и в Земляном городе в загородских слободах». Кроме того, предписывалось «Немецкие кирки сломати, и впредь в Китае и в Белом и в Земляном городе на Немецких дворах киркам не быти». Лютеранские церкви можно было строить «за городом за Земляным, от церквей Божиих в дальных местах» (гл. XIX, ст. 40) [15, с. 114].

Впрочем, в регентство царевны Софьи (1682–1689) отношение к последователям евангелической веры заметно изменилось. Была издана специальная грамота, обещавшая свободу притесняемым у себя на родине протестантам, с приглашением приезжать «в Наше Царского Величества Великороссийское Царствие не с сумненною надеждою и безо всякого опасения» [16].

Таким образом, уже в XVII веке предпринимались попытки законодательного закрепления основ единообразной политики Российского государства и Православной церкви к подданным-иноверцам. Она характеризовалась прагматическим подходом в отношениях с иноверными исповеданиями и веротерпимостью, черты которой проявлялись на всем протяжении формирования государственно-церковных отношений, начавшегося практически сразу после христианизации Руси. Как отмечал российский правовед А.В.Попов, «Московское государство не преследовало личных религиозных убеждений и относилось терпимо к вере иностранцев; оно допускало безусловно свободу домашнего богомоления и до некоторой степени даже общественного, но за то решительно воспрещало пропаганду иноверия среди русских, оставляя, впрочем, открытым вопрос о пропаганде иноверия среди неправославных» [17, с. 117; 8, с. 54].

Прием на службу подданных европейских государств преимущественно протестантского вероисповедания объясняется сильным недоверием, с которым российские власти относились к Римско-католической церкви. Причин такого отношения было несколько: во-первых, это «постоянное стремление к прозелитизму, т. е. пропаганде католицизма среди русских»; во-вторых, в памяти были еще свежи те бедствия, которые католическая Польша причинила Руси в Смутное время, и гонения православных на территориях, подпавших под власть Польши [18, с. 73–74].

Тем не менее, несмотря на определенные симпатии к протестантам и предубеждения против католиков, одинаково и тем, и другим российским законодательством строжайше была запрещена пропаганда и распространение своих вероучений среди православного населения. Отношения между вероисповеданиями в России строились на двух принципах. Это охрана господствующей Православной церкви и невмешательство в конфессиональную деятельность находившихся в России иностранцев [19, с. 335; 10, с. 2].

Следует отметить, что проведение вероисповедной политики в отношении инославных конфессий не распространялось на исконно русское население, традиционно принадлежавшее к православию. Христианизация Руси конечной целью ставила достижение религиозной идентичности подданных государства, что обусловливалось требованиями религиозной и национальной политики. Любое религиозное инакомыслие среди русского народа ставило под угрозу сложившуюся систему связей между православной государственностью и обществом, что могло привести к политической нестабильности многонационального и многоконфессионального государства. Поэтому целью преследования ересей и расколов являлось стремление сохранить целостность православного общества и государства в целом [8, с. 55, 61].

Таким образом, на начальном историческом этапе в Российском государстве централизованное управление иностранными вероисповеданиями еще не осуществлялось. Отношения между ними и государством определялись двумя принципами: сохранением

господствующего положения православия и полное невмешательство в конфессиональную жизнь проживавших на его землях иностранных подданных. Формирование и развитие вероисповедной политики определялось необходимостью сохранения государственной целостности и политической стабильности. Опыт государственно-правового регулирования межконфессиональных отношений, приобретавшийся Российским государством на протяжении веков, неизменно основывался на заложенном еще во времена христианизации Руси принципе религиозной терпимости.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – Т. 1. – М. : Терра, 1995. – 555 с.

2. Конституция Республики Беларусь 1994 года [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2018.

3. Simon, G. Church, State and Society // Russia Enters the Twentieth Century / G. Simon ; ed. by G. Katkov [et. al]. – London : Temple Smith, 1971. – 352 p.

4. Пругавин, А. С. Старообрядчество во второй половине XIX века / А. С. Пругавин. – М. : Отд. тип. т-ва И.Д.Сытина, 1904. – 281 с.

5. Treadgold, D. W. The Peasant and Religion // The Peasant in Nineteenth-Century Russia / D. W. Treadgold ; ed. by W. S. Vucinich. – Stanford, Calif. : Stanford University Press, 1968. – 314 p.

6. Waldron, P. Religious Toleration in Late Imperial Russia // Civil Rights in Imperial Russia / P. Waldron ; ed. by O. Crisp and L. Edmondson. – Oxford : Clarendon Press, 1989. – 321 p.

7. Миненко, С. В. Правовое положение Римско-католической и Евангелическо-лютеранской церквей в России XVI – первой половины XIX вв. (историко-правовой аспект) : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / С. В. Миненко. – Н. Новгород, 2011. – 211 с.

8. Лукьянов, С. А. Принцип веротерпимости во внутренней политике дореволюционной России и роль Министерства внутренних дел в обеспечении государственно-правовых основ его осуществления : дис.... докт. юрид. наук : 12.00.01 / С. А. Лукьянов. – М., 2009. – 381 с.

9. Булавина, М. А. Правовое положение Римско-католической церкви в России в XVIII веке : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / М. А. Булавина. – М., 2008. – 197 с.

10. Кузнецов, Н. Д. Управление делами иностранных исповеданий в России в его историческом развитии / Н. Д. Кузнецов // Временник Демидовского юридического лицея. – Кн. 74. – Ярославль, 1898. – С. 1–64.

11. Терюкова, Е. А. Департамент Духовных дел иностранных исповеданий и этноконфессиональная политика Российского государства (XVIII – начало XX в.) / Е. А. Терюкова // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2010. – № 4. – С. 204–208.

12. Гнедков, Ю. Г. Первый католический храм в Москве / Ю. Г. Гнедков // Свет Евангелия. – 2000. – № 16. – С. 204.

13. Чаплицкий, Б. История церкви в России / Б. Чаплицкий. – СПб. : ВДС МЦА, 2000. – 150 с.

14. Орленко, С. П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века. Правовой статус и реальное положение / С. П. Орленко. – М. : Древнехранилище, 2004. – 341 с.

15. Уложение от 29 января 1649 г. // ПСЗ–1. Т. I. 1649 – 12 декабря 1825. – СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Ст. 1. – С. 1–161.

16. Грамота, данная по ходатайству бывшего в Москве Чрезвычайного Прусского посла Чаплича «О дозволении приезжать в Россию и селиться французским эмигрантам евангелической веры» от 21 января 1689 г. // ПСЗ–1. Т. III. 1689–1699. – СПб. : Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. – Ст. 1331. – С. 19–20.

17. Попов, А. В. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву / А. В. Попов. – Казань : типолитография Императорского университета, 1904. – 516 с.

18. Красножен, М. Иноверцы на Руси : Положение неправославных христиан в России / М. Красножен. – Т. I. – Юрьев : тип. К. Маттисена, 1900. – 152 с.

19. Горчаков, М. И. Церковное право. Курс лекций. – СПб. : издание студента Д. Ширяева, испр. и доп. под личным руководством профессора, 1909. – 338 с.

Дата поступления статьи в редакцию 08.02.2018